

фессия привлекала давно. Но когда пришло время поступать куда-нибудь, я пошел в строительный институт на факультет водоснабжения и канализации...

— *Зачем?!*

— Потому что мой дядя Жора Дыбенко, чемпион Союза по метанию молота, был там завкафедрой сопромата. Но даже это мне не помогло.

— *Не поступил?*

— Я в тот раз вообще никуда и не поступал. Так получилось. Родителям сказал, что если примут, то постригусь наголо и куплю мотоцикл. И пошел сдавать экзамены в... институт физкультуры. Но начался дождь — и до института я не доехал. Зато мотоцикл купил, постригся наголо и поехал к родителям — они были в деревне. Они меня увидели и ужасно обрадовались. Но потом я им объяснил... На следующий год я все-

таки поступил в институт физкультуры и замечательно там учился.

Но в журналистику я бы никогда не попал, так бы и крутился, если бы не замечательный человек и журналист, мыслитель, писатель Аркадий Романович Галинский. Он воевал, потом работал в «Литературке» фельетонистом. Когда я ему принес свою фотокарточку, он сказал: «Юра, если вы хотите быть богатым человеком (имелось в виду, конечно, по тем временам), вы должны быть фотографом, а если известным — то журналистом...»

— *И ты стал снимать для газет?*

— Нет, я продолжил учебу в физкультурном институте. А еще поступил — параллельно — в ГИТИС на отделение профессора Раевского. И это несмотря на легкий украинский акцент. Но потом поел мороженого после бани — четыре стаканчика

ОХ, НЕПРОСТО

Речь идет — 1986 — 12-18 авг. — 6.54-36.

Однажды Юрий Рост попал в ассистенты венеролога и по совместительству в импресарио Жванецкого.

Как-то Рост зашел за своим другом-венерологом к нему на работу, в диспансер — они куда-то вместе должны были идти. Друг оказался еще занят и предложил, чтобы не сидеть в сомнительной очереди в коридоре, посидеть вместе с ним в белом халате на приеме: «Будешь моим ассистентом». Рост из присущего ему здорового любопытства согласился. Но от первого же пациента сбежал в коридор. А старшая медсестра ему сказала: «Кого у нас тут только не бывает! А вот Жванецкий не приходит... Юра, пригласите его на наш вечер выступить».

Жванецкий согласился сразу — ему никогда еще не приходилось выступать в венерологическом диспансере. Их ждали накрытые белоснежными простынями столы со всевозможной закуской. По стаканам был разлит спирт, разбавленный внутривенной глюкозой. Женский медперсонал принарядился в вечерние платья. Жванецкий стал выступать, но после второй порции фирменного «напитка» у него пропали все гласные звуки. Ласковые врачи сказали: «Ничего, Михал Михалыч, вы отдыхайте. Мы вам наш «капустник» покажем». И запели: «В диспансер сегодня я пришел ле-

читься. Что-то стало трудно по урам мочиться...»

Как правильно заметил наблюдательный и пытливый Юрий Рост в одном из своих стихотворений: «Жизнь необыкновенно многогранна».

Мастерская Юрия Роста, где снимаются все его «Конюшни» (или, по крайней мере, откуда съемки начинаются), когда-то действительно была конюшней. Росту бывшая конюшня досталась в самом плачевном состоянии. Только он с его руками, головой, энтузиазмом и вкусом мог увидеть в развалинах будущую мастерскую. Его друзья рассказывали, как давным-давно, стоя на куче битого кирпича внутри того, что осталось от этого строения, и наблюдая, как крупный снег сыплется через огромную дыру в крыше, он сказал: «Вот здесь, внизу, я повешу свои карточки, будут люди приходить... Очень хорошо будет, увидите». Поверить в это было невероятно трудно. А сделать... Разве что Росту под силу.

— *Юра, у тех, кто тебя знает, складывается впечатление, что ты умеешь все. У тебя даже официальных профессий несколько. Например, тренер по плаванию и специалист по английской филологии... Значит, не всегда тебя влекла журналистика? И как ты все успел?*

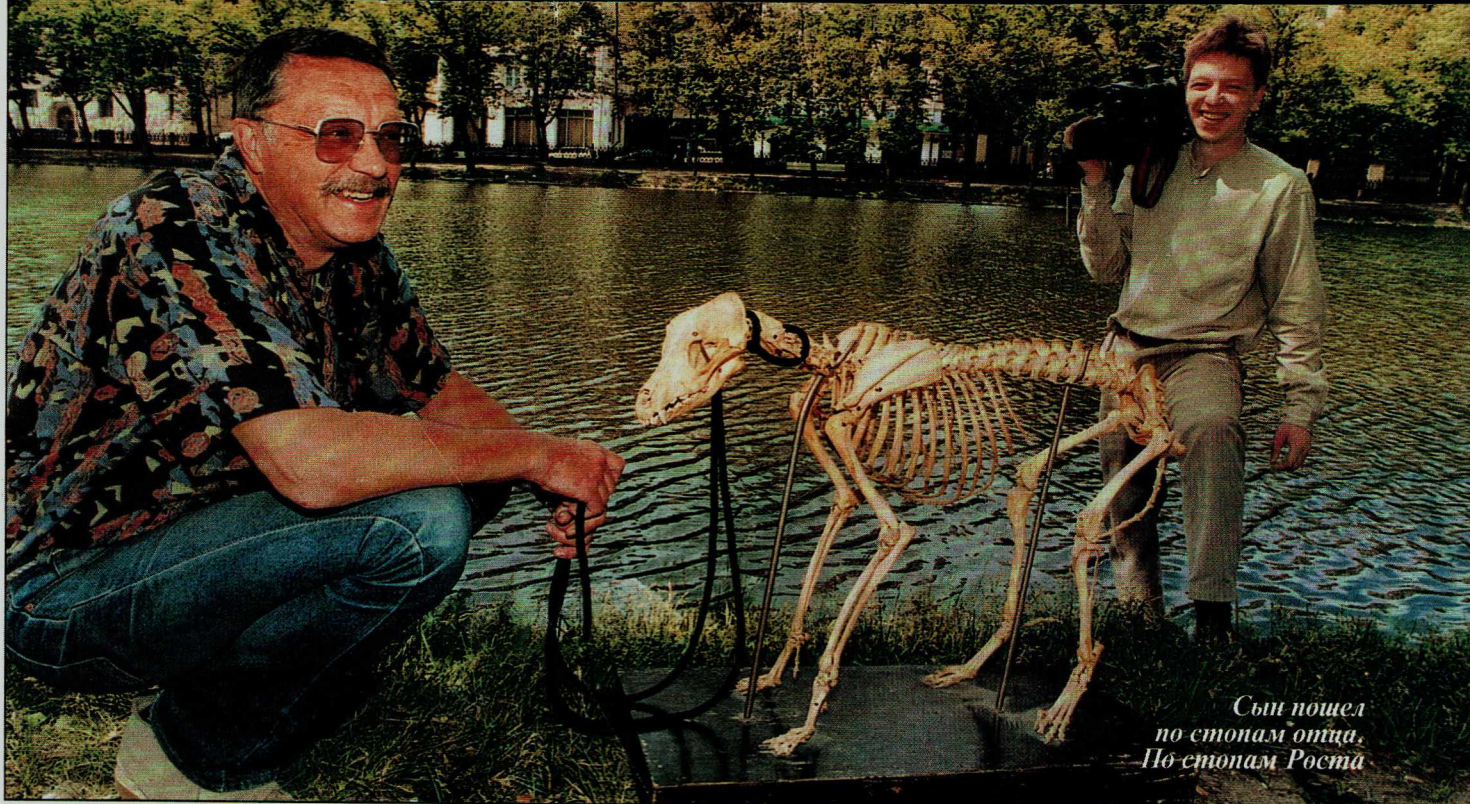
— Журналистика меня как про-

«Жизнь необыкновенно многогранна».

Ю. Рост

фруктового — и захрипел. Это решило мою судьбу — я не стал актером, хотя меня не выгоняли. Но пока хрипота проходила, актером быть расхотелось. Уже в журналистику потянуло. Еще в то же самое время я поступил на курсы и кое-как «блестяще» выучил английский. А потом уехал в Ленинград и поступил сразу на два факультета в университет: на журналистику по блату — им нужен был вратарь ватерпольной команды, и на английскую филологию — просто так. И учился в течение трех лет на двух факультетах.

... К четвертому курсу я не написал ни одной заметки. Считал, что не умею. Сначала я написал рассказ, который назывался «Парашют». Он мало чем уступал по своим художественным достоинствам какому-нибудь Кафке... Рукопись не сохранилась.

Сын пошел по стопам отца, по стопам Ростя

ПОГРУЗИТЬ ПОД ВОДУ РОСТА

Ростя очень любят женщины. Всякие

— *Какое горе!*

— Да. Но я купил пиджак за 25 рублей, заштопал штаны и поехал в Москву. Там я спросил у людей: «Какая самая лучшая газета?» Мне сказали: «Комсомольская правда». В ней я и решил проходить свою журналистскую практику.

— *В ней и прославился.*

— Да не я прославился, а собака, про которую я написал!

— *Помню — «Два года ждет!» Собака, которую оставил кто-то из пассажиров, жила на аэродроме и выходила встречать своего хозяина к каждому самолету. Ну тогда редакцию письмами просто завалили.*

— Тысяч двадцать писем пришло, изо всех стран мира — мешки стояли в коридоре. Так жалею, что они пропали. Что только люди не писали, каких только судеб собачьих в них не было! Деньги слали. Советские отправляли обратно, а доллары шли в кассу издательства «Правда». Их тьму наслали тогда. И заметка

эта была перепечатана во всех странах, какие только есть... Это тоска по чистому чувству. Собаке ведь все равно — пьяный ты, трезвый, богатый, бедный, грек, чукча — она любит. Люди это и увидели.

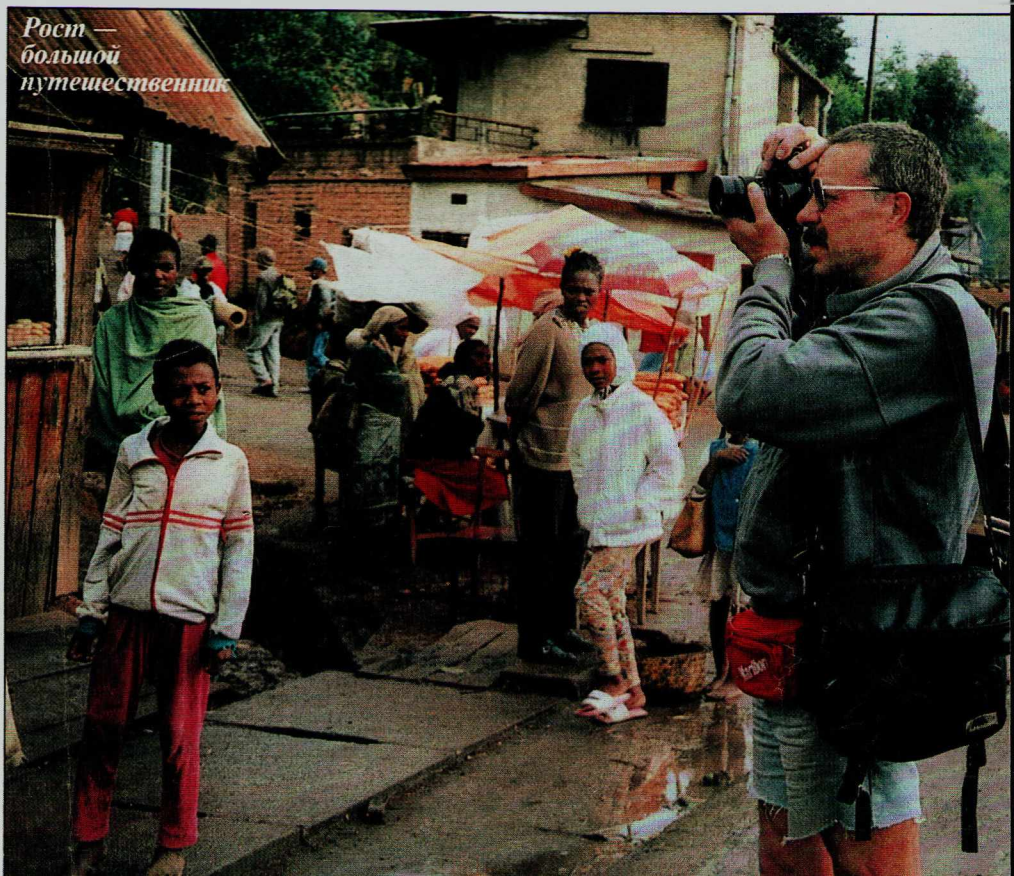
— *Юра, ты обладаешь каким-то удивительным даром: тебя все любят. Как это у тебя получается?*

— А я веселый. Люблю жизнь. Всегда старался помогать друзьям, вообще никогда никому не навязывался, не обременял друзей просьбами.

— *Все, чем ты занимаешься в журналистике, ни на кого не похоже.*

— У меня совершенно непрофессиональный взгляд на журналистику, и на фотографию... И на телевидение. Профессионал технологически безупречен. А любитель все делает немного не так, как принято. И не теряет ощущения удивления, радости от встречи.

Мне известны яркие примеры из личной жизни Ростя, как он занимался «не своим делом».

Рост — большой путешественник